

© Е.В. Миськова

**Рецензия на книгу:
Зислин И. Очерки
антропологической
психиатрии. ИД «Городец»,
2023. 416 с.**

Книга Иосифа Зислина «Очерки антропологической психиатрии» — это попытка очертить тематический и методологический ландшафт некой новой научной дисциплины, которую автор рассматривает как новую область теоретической психиатрии. Новизна, как ясно из методологического очерка, заключается в использовании методов культурной антропологии, а скорее, даже антропологических оптик и языков для описания клинической ситуации, в которой присутствуют сознание пациента, сознание врача и поле контакта между ними.

Автор разграничивает эту область психиатрии с транскультуральной или этнопсихиатрией, а также с социальной психиатрией. В отличие от них, антропологическая психиатрия должна делать акцент не на онтологическом — заболевании как реальности, а на феноменологическом — интерпретации события заболевания. Заболевание явлено здесь в языковом сознании и должно анализироваться преимущественно языковыми методами. Большая часть глав в сборнике очерков посвящена именно анализу языкового содержания разных психопатологий.

Обосновывая антропологическую психиатрию как дисциплину, автор пишет о задаче привнесения в клинику более развернутого понимания и анализа личности и сознания. Зислин опирается на определение личности Джона Хонигмана: личность есть культура, отраженная в поведении. Это должно, видимо, теснее связывать антропологию и антропологическую психиатрию. Но, как уже было отмечено, во всех очерках опора делается на семиотическое понимание культуры как пространства смыслополагания. Бредовое содержание сознания психиатрического пациента рассматривается именно

Миськова Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, магистр психологии, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН milenk2@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-4851-2625>.

Для цитирования: Е.В. Миськова. Рецензия на книгу: Зислин И. Очерки антропологической психиатрии. ИД «Городец», 2023. 416 с // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 1. С. 265-272, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/265-272>.

как содержание — связанная совокупность текстов. Таким образом, если речь и идет о поведении, то исключительно о нарративном поведении, в котором совмещаются индивидуальные и коллективные смыслы.

Антропологическая психиатрия, по мнению Зислина, должна уделять внимание и транскультуральным феноменам — сравнительному анализу проявления синдромов в разных культурах. Отсутствие единой методологии их описания препятствует созданию их единой типологии. Автор указывает на опасность смешения разных систем описания — эмных и этных, которое приводит не к анализу содержания синдрома, а часто просто к использованию «языка пациента» для политкорректного описания клиники у представителей тех или иных групп. Зислин настаивает на том, что описание культурного синдрома подменило собой описание «обычного психоза». Предлагаемая им типология: этнографические синдромы, возникающие у аборигенов и аборигенами распознающиеся; синдромы столкновения со значимыми культурными феноменами (автор анализирует в одной из глав так называемый Иерусалимский синдром); обратный эффект бредового нарратива на культуру (феномен остенсии).

Антропологическая психиатрия должна заниматься также культурными кодами и тактиками диагноста.

В результате антропологическая психиатрия при такой широте задач неизбежно включает у автора транскультуральную психиатрию как составляющую. Обоснование автором новой области теоретической психиатрии производится в довольно сжатом формате, в одном небольшом очерке. Представляется, что этого недостаточно, чтобы «приземлить», одомашнить новое поле смыслов. В конце концов, просто не очень понятно, зачем автору понадобилась культурная антропология, если есть транскультуральная психиатрия, социальная психиатрия, этнопсихиатрия? Обзору различий и обоснованию критериев разграничения явно не хватило места в книге.

С одной стороны, автор, возможно, руководствуется принципом радикального прагматизма или эмпирицизма Уильяма Джеймса, возобладавшем в оценках эффективности пси-практик: что помогает, то и хорошо. Но речь идет не только о введении методов культурной антропологии для пользы клиники, но и о теоретических вопросах. Да и в случае с методами хотелось бы большей проблематизации: о каких методах идет речь? Автор поднимает в очерках разные интересные вопросы, например, о различии между моральными паниками и массовыми психозами, ответы на которые предполагают анализ и сравнение разных теоретических подходов, а также историзацию эпистемологии этих подходов.

Например, транскультуральная психиатрия и этнопсихиатрия в пору своей институционализации после Второй мировой войны представляли собой социальный, культурный и психиатрический поиск нового определения «общечеловеческого», в котором культура только «окрашивала» универсальные психологические или психопатологические структуры, была патопластичным, а не патогенетичным фактором психопатологий (*Antic* 2021). Из такого отношения выросла традиция эссенциалистского использования понятия культура в единственном числе, которая до сих пор влияет на практику приобретения

«культурной компетенции» психиатрами. Транскультуральная психиатрия в отношении представителей не-западных обществ долгое время исключала социальную сторону патологий, социологические и экономические категории анализа ментальностей, концентрируясь на различиях культурных, расовых и этнических. Это привело к появлению важных теоретических призм, например, исследованию языка эмоций в ходе сравнительного изучения проявлений шизофрении в разных обществах, обнаружению, что соматическое выражение гораздо важнее во многих обществах, чем собственно языковое. Одновременно эти наблюдения сопровождалась порой почти расистскими выводами о том, что в «незападных культурах» этот язык эмоций обеднен и недетализирован вследствие того, что культурный фокус не на индивидуальном, а на групповом, и нет необходимости в усовершенствовании этого языка. «Примитивные психозы» называли простыми имитациями более «богатых» европейских форм. Именно за эти «категориальные ошибки» — презумпцию того, что психиатрические категории являются не специфическими продуктами западных эпистемологий, а отражением универсального ядра психиатрических патологий — транскультуральную психиатрию критиковали антропологи, отмечая, что многофакторность этиологий психиатрических заболеваний подменяется упрощенным и обобщенным пониманием культурных различий (Kleinman, Benson 2006; Bullard 2007).

Зислин упоминает тот факт, что в американском Диагностическом и статистическом руководстве по ментальным заболеваниям 5-го издания (DSM-V) «культурно обусловленные синдромы» были изъяты и заменены набором других терминов. Действительно после того, как в 4-м издании появилось разделение на культурно одобряемые и потому не рассматриваемые как патологии расстройства и культурно неодобряемые и потому проходящие по разделу патологий, у многих практиков и критиков со стороны возник закономерный вопрос: в чем тогда должна на самом деле заключаться терапия? Кто и что в ней нуждается? Индивид, культура, общество? Классификаторы идут по пути бесконечного уточнения, и первое издание DSM, например, занимало 35 страниц в 1950-е годы, а последнее (пятое) — почти 900.

Тем не менее, в прилагающемся к пятому изданию протоколе по исследованию культуры пациента (Cultural Formulation Interview (CFI)) это самое понятие «культуры» продолжает использоваться в эссенциалистском ключе. Так, клиническая картина должна дополняться уточнением: 1) культурной идентичности человека; 2) культурной интерпретации болезни; 3) культурного уровня психологической поддержки; 4) культурных особенностей взаимодействия врача-пациента (Eller 2019; Baer, Singer, Susser 2013).

Многие представители критического направления в медицинской антропологии отмечают, что понятие культуры в образовательных программах психиатров и психологов сегодня ассоциирует ее с расовой и этнической инаковостью, трактуется как собственность и сущность связанной группы. Это делается в попытках преодолеть «культурную слепоту западного индивидуализма». Вместо фокуса на индивидуальной автономии предлагается взять курс на «коммунальную ответственность». Культурная компетентность терапевтов стала ведущим навыком в процессе обучения специалистов. В этом процессе культура понимается как то, чем люди владеют, а не как то, что они делают. При этом упускается из виду тот факт, что сама терапия — это куль-

турная практика, а терапевтическая концептуальная номенклатура не только дескриптивна, но и проскриптивна — она создает контекст и сценарий для выражения дистресса и коммуницирования страдания. Недаром с каждым включением нового диагноза или уточнения его в новых редакциях руководств число случаев этого заболевания стремительно возрастает (*Martin 2019*).

Отсутствие в книге, посвященной антропологической психиатрии, обзора, приземляющего исследовательскую область, сказывается на непроблематизированном употреблении автором той концептуальной номенклатуры, которая в условной культурной антропологии является предметом постоянной рефлексии и критики: «в одной конкретной культуре», в «разных культурах» и т. п.

Без анализа полей совпадения и расхождения значений, смыслов в фокусе антропологии и психиатрии невозможен простой перенос «антропологических методов» в клинику. Как отмечает Дэниэл Дэвис, антропология и пси-дисциплины различаются разными интенциональными модусами или коллективными намерениями их как социальных практик (*Martin 2019*). Среди модусов намерений антропологии: бросать вызов этноцентризму; депатологизировать и демократизировать различия; переворачивать редукционизм; нагнетать терпимость и культурное понимание; деконструировать стереотипы; исследовать властные различия, поддерживающие их мифы и структуры, и их воздействие на лишённые власти и голоса группы. Нетрудно заметить, что это модусы преимущественно критические. Коллективная же интенциональность психиатрии и психотерапии партикулярна и выражена в намерении помочь другому справиться с дистрессом, часто вытекающему из поиска путей помощи самому себе. Это восстановительная, искупительная, спасательская, по своей сути, интенция. Такая интенция присутствует и в антропологии, но она содержит адвокатуру всех, кого объективируют, в том числе с помощью наук о различиях, включающих антропологию. Психиатрия же неизбежно содержит в себе выраженную адвокатуру в отношении самой практики, созданной помогать людям. «Другими словами, психотерапевтическая интенция помогать другим, себе и защищать или продвигать терапевтическую модальность не всегда сочетаются с критическим фокусом антропологии на том, как терапевтическая традиция работает, достигает цели и обслуживает социальное господство и какой ценой» (*Martin 2019: 39*). Инга-Бритт Краузе пишет как о ярком примере раскола между психиатрией и антропологией о фигуре и работах Грегори Бейтсона (*Martin 2019*). Как антропологи не изучают то, что он писал и делал, например, для системной семейной психотерапии, так и психологи не изучают того, что он делал в антропологии. Культура играет роль абстрактного различия — эссенциализированный и стереотипизированный акцент на разнообразии, персональное право на идентичность, выраженную в мириадах различий и разновидностей.

Теоретическая или практическая, психиатрия будет неизбежно вступать в противоречие с «антропологическими методами». В этом нет ничего непреодолимого и есть своя перспектива и интерес, но важно замечать и отмечать эти места несостыковок, чтобы какое-то пространство коммуникации стало возможным.

В книге много внимания уделяется языку патологии, рассматриваемому как пространство возможности для кросс-дисциплинарного понимания и общения. Понятия гиперсемиотизации для различения массовых панических проявлений или ядра психоза как содержащего культурные и ролевые модели поведения, по которым мы можем «воссоздать картину современной мистической мифологии» — интересны и многообещающи для анализа. И здесь опять хочется чуть более развернутого обоснования и координат этих подходов в отношении к существующим подходам. Так, например, Тоби Натан, ученик Жоржа Девре, анализируя развитие клинической этнопсихиатрии, писал о том, что в процессе этнопсихоаналитических сессий и их изучения в клинике Девре требование говорить на языке клиента постепенно дополнилось необходимостью говорить о языках — разных языках, включая языки пациента и терапевта (Natan 1999). Это переводит пациента в разряд эксперта и партнера. Такая трактовка языка как системы вещей превращает психотерапевтическое пространство в пространство дискуссий. Культурные различия воспринимаются размещенными в объектах, созданных разными группами людей, а не в людях — не в их биологии, социальной структуре или психике.

«Как нам следует понимать концепции, которые организуют культурные терапевтические системы? — пишет Натан. — Как репрезентации, верования или подлинные теории? Если мы думаем о них как о «репрезентациях», мы отказываем им в какой-либо претензии на описание объектов этого мира: они говорят о вещах, мы — о репрезентациях; они — о действиях фетишей, мы — о веровании в действие фетишей; они — о требованиях мертвых, мы — о чувствах горевания и оплакивания; они — об ограничениях, накладываемых на людей богами, мы — об «отцовских комплексах». Если же мы найдем способ уважать их право на описание мира, тогда мы должны будем рассматривать культурные целительские практики как подлинные теории. И, если они — теоретические модели, то их необходимо 1) изучать; 2) экспериментировать с ними; 3) сравнивать их клиническую эффективность или, по крайней мере, конкретные эффекты, с эффективностью «научных» терапий» (Natan 1999).

Вот в этом отрывке заметен аспект перевода антропологических методик в клинику, который близок и понятен для антропологов.

Сальма Сиддик также ссылается на Девре, который считал, что субъективное — это королевский путь к аутентичному; оно, в отличие от объективного, содержит то, что возможно — в отличие от того, что «должно быть» (Martin 2019). Лингвистическая концепция эллипсисов — пропусков элементов предложений, которые восстанавливаются по контексту — используется Сиддик как метафора пространства между терапевтом и клиентом, в котором восстанавливается умалчиваемое. Сиддик как терапевт работает с антропологами, которые по возвращении из поля не могут перевести свой опыт в текст, поскольку они сталкиваются с ситуациями, которые триггерят неразрешенный опыт невысказанности, унижения, маргинализации или отверженности. С ее точки зрения, психотерапия и этнография равно предоставляют возможность сделать умалчиваемые различия обсуждаемыми. Сама она называет себя клиническим антропологом, а кабинет врача рассматривает как лиминальное пространство между внешним миром и жизненным миром клиента; пространство между, посвященное дискурсу о разногласиях, в котором в течение часа собеседники получают возможность для воплощения в своей партикулярности,

частности. В этом пространстве возможна рефлексия о культуре как о различных способах быть и принадлежать.

То есть, когда антропологи пишут о речи в терапевтическом процессе, они пишут все-таки об особом речевом жанре, в котором анализа требует взаимодействие в целом и способы воспроизводства клинической ситуации, в которые включен и сам терапевт. Винсент Крапанзано пишет о том, что атрибуция к «культурным различиям» в психотерапии должна сама по себе рассматриваться в терминах контрпереноса (*Martin 2019*). Руминации мультивокальны: от прямого цитирования; через непрямую речь, когда человек вольно обращается, пародирует, например, цитируемое; к свободному непрямому дискурсу, когда инстанции рассказчика и персонажа смешиваются. В измененных состояниях сознания ярче всего видно это исключения перспективы рассказчика. Терапевт должен быть особенно чувствителен к этим голосам, и в том числе к своим настройкам: какие голоса он предпочитает слышать?

В антропологической же психиатрии, как она предстает из очерков, психиатр в клинической ситуации — это только наблюдатель и интерпретатор разворачивания чужого текста, из которого он может извлечь некий мифический субстрат для понимания «культуры в целом».

Наконец, в очерках много внимания уделено религиозному содержанию психотических текстов. Это, конечно, огромное исследовательское поле, в котором многое проблематизировано, в том числе и на стыке или на пересечении пси-дисциплин и социокультурной антропологии. Автор предпочитает делать акцент на филологических и фольклористских подходах, и это очень интересно и, безусловно, автор имеет абсолютное право на этом фокусироваться. Однако же, речь тогда больше идет о «филологической психиатрии», нежели «антропологической». И снова речь здесь идет о том, что нельзя в новой области обойтись без критической рефлексии разных исследовательских оптик на то, как, заимствуя высказывание из названия одной из последних книг Тэньи Лурман, «бог становится реальным» (*Luhrmann 2022*). То, что сегодня сближает антропологических и психологических исследователей разных религиозных онтологий и эпистемологий, это исследование того, как культивируется «внутреннее чувство» того, что Лурман называет опытом духовного присутствия. Люди не «верят» в богов, а создают их в процессе обращения к себе. Этот поворот достигается разными техниками и способами, в том числе нарративной детализацией и бесконечным повторением нуминозных историй. Вера представляет собой скорее фрейм, модус верования, о котором пишет Лурман, и в связи с которым психологи вспоминают об игровом фрейме Винникота (*Falconer 2023*). И в том, и в другом случае создается пространство между субъективным и объективным — третья, экспериментальная реальность, паракосмос, как называет его Лурман. Чтобы войти в него необходимо обучиться направлению внимания («attentional learning»). И здесь не обойтись без исследования разных моделей сознания, ума, которых мы придерживаемся: как мы картографируем и объясняем наше мышление, чувства, намерение и удовольствие и организуем их в связную культурно специфичную модель. Вслед за разработанными Мэрилин Стратерн и другими исследователями концепциями дивидов и пористой личности появляются концепции и исследования «цитадельного сознания» «человека запада». Лурман пишет также, что многие «голоса», которые слышат духовно настроенные люди, описываются

ими не как буквально аудирование «изнутри», а как некий опыт ощущений в пространстве между окружающим человека миром и внутренним миром (*in-between*). Это связывается Лурман с идеей пористого, проницаемого сознания, так же как с концепцией партиципации реабилитированного в антропологии в последнее время Люсьена Леви-Брюля (*Luhmann 2022*). Клинические психологи и психиатры говорят о том, что с голосами, которые слышат психотики, надо вступать в диалог, и что прогноз в излечении связан с интерпретацией пациентами своих голосов: хороший прогноз, если пациенты считают голоса полностью внешними вторжениями; хуже, когда подозревают, что это что-то внешнее, но не могут в это поверить; наихудший — когда пациенты считают голоса принадлежностью их больного мозга. Провалы психиатрической системы связываются с тем, что она поддерживает и легитимизирует именно последнюю, самую безнадежную версию (*Falconer 2023*).

Со стороны теоретической психиатрии возникают концепции, сближающие духовные опыты и психозы через описание общего пространства транслиминального: утрата границ; непоколебимая убежденность в реальности опыта; ощущение миссии; чувствительность к глобальному страданию; прикосновение к сакральному как ужасающему и восхищающему одновременно (*нуминозное*); встреча со сверхъестественными существами; двойная логика (вещи воспринимаются как ложные и истинные одновременно) (*Clarke 1987*). Старый вопрос о сочетании универсального и партикулярного снова поднимается в этой связи, и Зислин касается этого вопроса в разных очерках книги.

«Другими словами, — пишет Натан, — мы гораздо ближе к реальности нашей клинической работы, когда мы рассматриваем наших пациентов как производных, нежели независимых, производных от нашей теории, разумеется, но также неизбежно от тех преемственных теорий профессионалов, которые нам предшествовали» (*Natan 1999*). Другими словами, соединение разных дисциплинарных теорий и практик нуждается в фундировании. Это предоставило бы более надежное основание для обсуждения безусловно интересного, тематически разностороннего сборника очерков Иосифа Зислина.

Литература

- Antic A.* Transcultural Psychiatry: Cultural Difference, Universalism and Social Psychiatry in the Age of Decolonisation // *Cult Med Psychiatry*. 2021. No. 45(3). P. 359–384.
- Baer H.A., Singer M., Sussner I.* Medical Anthropology and the World System. Critical Perspectives. 3rd edition. Praeger, 2013.
- Bullard A.* Imperial Networks and Postcolonial Independence: The Transition from Colonial to Transcultural Psychiatry. // *Psychiatry and Empire* / Mahone Sloan, Vaughan Megan., eds. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Clarke G.* Spirit Possession and Popular Religion. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1987.
- Crapanzano V.* Spiraling Transference: Ellen West and the Case History // *Psychotherapy*,

Anthropology and the Work of Culture / Martin K., ed. N.Y.: Routledge, 2019.

Davies J. Lessons from the Anthropological Field: Reflecting on where the Culture and Psychotherapy meet // Psychotherapy, Anthropology and the Work of Culture / Martin K., ed. N.Y.: Routledge, 2019.

Eller J. D. Psychological Anthropology for the 21st Century. L.; N.Y.: Routledge, 2019. Vol. VII.

Falconer R. The Others within Us. Internal Family Systems, Porous Mind, and Spirit Possession. Great Mystery Press, 2023.

Kleinman A., Benson P. Anthropology in the Clinic: The Problem of Cultural Competency and how to fix it // PLoS Medicine. 2006. No. 3. P. 10. doi: <https://10.1371/journal.pmed.0030294>.

Krause I.-B. Relating with or without Culture // Psychotherapy, Anthropology and the Work of Culture / Martin K., ed. L.; N.Y.: Routledge, 2019. P. 60–80.

Luhrmann T. M. How God Becomes Real. Kindling the Presence of Invisible Others. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2022.

Martin K. Introduction. In: Martin K. ed. Psychotherapy, Anthropology and the Work of Culture. L.; N.Y.: Routledge, 2019.

Natan T. Georges Devereux and Clinical Ethnopsychiatry. URL: <https://www.ethnopsychiatrie.net/GDengl.htm>

Siddique S. Western Configurations: Ways of Being // Psychotherapy, Anthropology and the Work of Culture / Martin K., ed. Routledge, 2019.

Book Review

Miskova E. V. Book review: *Ocherki antropologicheskoi psikhiiatrii* [Essays on anthropological psychiatry]. ID «Gorodets», 2023. 416 p. *Anthropologies*, 2023, no 1, pp. 265-272, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/265-272>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Miskova E. V. | milenk2@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-4851-2625> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Senior Researcher

